

«РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ» – КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИФА

«Революция рабов» вошла в советский исторический нарратив из речи Сталина на Съезде колхозников (1933): у Сталина эта никогда не случившаяся революция была лишь элементом амплификации, восхвалявшей Октябрьскую революцию, но у советских историков приобрела статус мифа. Всякий миф объясняет нечто важное, этот объяснял только падение Западной Римской империи, обсуждать которое научил европейцев Гиббон: указанная им дата этого падения, 476 г., заимствована из «Хроникона» Марцеллина Комита и благодаря авторитету Гиббона стала школьной. Советским историкам традиционная дата подходила, но Империя должна была пасть в результате классовой борьбы, иначе это не марксизм – так подсказанная риторикой Сталина «революция» превратилась в быстро развившийся миф.

Ключевые слова: Сталин, Гиббон, Марцеллин, Римская империя, рабы, революция, миф

Вместо предисловия. До сих пор «революция рабов» изучалась (нечасто) лишь историографически, как один из эпизодов развития советской науки о древности, но никогда не как миф, которым несомненно является. Я исследую историю этого мифа традиционным филологическим методом, то есть с помощью анализа текстов, которые в связи с «революцией рабов» либо вовсе не привлекались, либо не получали адекватной интерпретации.

1. *Сталин о революции рабов.* Днем рождения мифа часто и небезосновательно считается 19 февраля 1933 г. – в этот день И. В. Сталин выступил на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников с речью, в первом же разделе которой содержится нечто вроде исторического экскурса:

История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью – уничтожить всякую эксплуатацию и ликви-

дировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей. *Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных. Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть. Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплуататоров на других, не менять одну форму эксплуатации на другую, а искоренить всякую эксплуатацию, искоренить всех и всяких эксплуататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых (Сталин 1951, 13: 236)¹.*

Итак, здесь сказано о двух революциях, по времени предшествующих Октябрьской революции: о неведомо где и когда случившейся «революции рабов» и о «революции крепостных крестьян», тоже неведомо где и когда случившейся. Известно, что таких революций не было, но тогда откуда они у Сталина? Здесь может помочь история работы над статьей «Международный характер Октябрьской революции», писанной к десятилетию события и почему-то никогда не связываемой с речью на Съезде колхозников. В статье сказано:

Эксплоататоры менялись, эксплуатация оставалась. Так было дело во время освободительных движений рабов. Так было дело в период восстаний крепостных. Так было дело в период известных «великих» революций в Англии, во Франции, в Германии (Сталин 1951, 10: 239).

В таком виде текст был опубликован, но в черновике цитированный отрывок выглядит несколько иначе:

¹ Здесь и всюду далее курсив мой. Е. Р.

Эксплоататоры менялись, эксплуатация оставалась. Так было дело во время *революций рабов, революций крепостных*, революций торгово-промышленной буржуазии (Сталин 1951, 10: 168).

Ясно, что в черновом и в беловом текстах Сталин говорит одно и то же об одном и том же, но в черновике он, например, обобщает европейские революции в «революции торгово-промышленной буржуазии», а в беловике заменяет обобщение конкретным перечислением (с пренебрежительными кавычками: ср. «закон» и «только» в речи на Съезде колхозников). В случае с рабами и крепостными правка серьезнее, так как меняются не определения, а определяемые слова: «революции» исправлены в «освободительные движения» и «восстания». Что же побудило Сталина внести в текст изменения, портящие амплификацию, столь эффектно организованную в черновике трижды повторенным «революции»? Можно полагать, что причина в уже сложившемся к тому времени и вскоре зафиксированном в словаре Ушакова узусе, с которым Сталин, разумеется, считался и который, как и сейчас, предполагал, что революцией называется «переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу» (Ушаков 1940: s.v. революция)² – европейские революции под это определение так или иначе подходят, а рабские и крестьянские восстания не подходят. Однако такой сдвиг семантики был в 1920-х относительно новым: еще недавно «революциями» назывались «смуты государственные, возмущенье, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта» (Даль 1955: s.v. революція) – и в текстах сталинского времени легко найти следы такого употребления, а в по-прежнему находившихся в читательском обиходе старых изданиях оно доминирует.

Строго говоря, необходимой всякому термину однозначностью слово «революция» (revolutio) обладает лишь в астрономии, служа названием возвратного движения светил по небосводу, но с XVI в. этот термин стал использоваться в перенос-

² Ср. в словаре Л. П. Крысина: «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти» (Крысин 1998: s.v. революция).

ном смысле – поначалу применительно к событиям циклическим (либо казавшимся таковыми), а после Великой французской революции и затем у социалистов XIX в. словоупотребление приблизилось к нынешнему (Одесский, Фельдман 2012: 21–40). В итоге в историческом дискурсе «революция» однозначности так и не обрела, хотя допустимо говорить об упомянутом сдвиге семантики, заметном и по переносным употреблением: неолитическая и цифровая «революции» тоже ничего не возвращают, напротив, всё радикально меняют.

Тем не менее в 1920-х и позднее носители языка, получившие образование задолго даже и до 1905 г., не могли не держать в памяти более широкое значение слова «революция», а чтение эту привычку поддерживало. Сталин учился с начала 1890-х, читал много, в том числе старые труды по истории России (некоторые даже держал затем у себя в кремлевском кабинете), а там слово «революция» имело, как сказано, более широкий смысл, чем в позднейшее время: скажем, С. М. Соловьев называет «нашей революцией» Петровские реформы – и подобных примеров множество. Поэтому в черновике юбилейной статьи Сталину было естественно по привычке назвать рабские и крестьянские восстания «революциями», а при перебеливании было столь же естественно ощутить старомодность такого словоупотребления – в результате новоевропейские революции он революциями оставил, а «революции» рабов и крестьян, не приводившие к радикальным политическим переменам, переименовал в «восстания» и «освободительные движения».

Итак, всего за шесть лет до речи перед колхозниками Сталин в сходном контексте называет *революциями* рабов и крепостных *восстания* рабов и крепостных, и только при перебеливании текста обе эти революции из него изгоняет. Для содержания статьи эта правка значения не имела: всё, написанное Сталиным в 1927 г. и сказанное в 1933 г. об уникальности Октябрьской революции, уже было так или иначе сказано Лениным, причем в статье 1921 г. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», несомненно бывшей у Сталина на слуху, упоминалась даже и «революция рабов»:

Факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами *революцией рабов* против всех и всяческих рабовладельцев выполнено

до конца и выполняется вопреки всем трудностям (Ленин 1970, 44: 150).

Сам по себе топос «рабы против рабовладельцев» затертый, восходит к риторике века Просвещения и (особенно) к риторике Великой революции, притом использован в «Интернационале» – словом, у Ленина «революция рабов» привлекает не больше внимания, чем «рабы», «рабство» и всё, что Е. Д. Поливанов так удачно назвал «славянским языком революции». При всем том повлиять на статью 1927 г. ленинское словоупотребление могло и почти наверняка повлияло, пусть и осталось в черновике.

Почему же через шесть лет, говоря то же самое о том же самом, Сталин возвращается к более архаичному словоупотреблению, которое ранее отверг? Любое объяснение будет, конечно, гипотетическим, но предлагаемая ниже гипотеза по мере сил обоснована.

В самом начале речи Сталин объявляет, что говорить будет без подготовки («Я не думал выступать...»), и С. Б. Крих в статье, специально посвященной словосочетанию «революция рабов» в этой речи Сталина, предполагает, что речь и вправду могла быть импровизацией, пусть вероятно с подспорьем в виде подготовленного заранее плана: средняя длина слов и предложений в ней ближе не к статьям и докладам Сталина, а к его же интервью (Крих 2014: 17). Крих – единственный, кто обратился к тексту речи, и представленные им подсчеты очень убедительны, однако объем речи – около $\frac{3}{4}$ авторского листа, для ее произнесения нужен чуть ли не час, а такое под силу лишь тому, кто имеет успешный опыт публичного говорения, в том числе *ex tempore*. Сталин, как известно, подобного опыта не имел и выступать не любил, а когда всё же приходилось (например, с докладом на Съезде партии), всегда тщательно готовился. Часовая импровизация, хотя бы и с вспомогательным «воском», была бы для него слишком долгой³, а речь была ответственная

³ Для говорения по плану тоже нужна *extemporalis facultas*, недаром в «Воспитании оратора» Квинтилиана «воск» с синопсисом речи помогает далеко не всем (Quint. Inst. X. 7): любая и тем более пространная импровизация требует не только основательной подготовки, но и природного дара, который заметен с юных лет – это описано уже в древнеклассической литературе, например, в «Жизнях софистов» Филострата. Иные современники Сталина (скажем, Керенский и Троц-

– не из-за сравнения тех и этих революций, а потому, что стояла вторая зима Голодомора и от сидевших в зале «ударников» ожидалась поддержка новой формы крепостного права.

Гораздо вероятнее, что, хотя по слогу речь действительно отличается от приготовлявшихся для издания текстов, импровизацией она всё же не была, просто Сталин работал над ней не в несколько приемов, как над статьями или многочасовыми докладами – а эту речь он приготовил, но не перебелил, так что вышло ближе к устному слогу. Свой драфт он огласил на Съезде, объявив импровизацией, а затем была опубликована стенограмма, а уж затем никто ничего не менял и все революции остались революциями, как в якобы *ex tempore* устном исполнении речи⁴ – и как в черновике 1927 г.

Конечно, «революции» рабов и крепостных в речи на Съезде несколько отличаются от этих же «революций» в черновике юбилейной статьи, так как совершенно ликвидируют предшествующую форму угнетения, а значит, должны быть приравнены не к мятежам, а к «переворотам гражданского быта» – но этого требует сама структура амплификации с характерной серией повторов и параллелизмов, недаром с той же целью в 1927 г. эти «революции» сравнивались с «великими» революциями, пусть сравнение так и не дошло до публики. Чем мог руководствоваться Сталин шесть лет спустя? При не совсем систематическом образовании он не был невеждой и о (весьма немногих) насильственных сменах общественного устройства не знать не мог – а среди них не было ни «революции рабов», ни «революции крепостных», как их ни называй. Однако в битве с фактами риторическая инерция часто одолевает, это живо описано уже у Сенеки Старшего, и даже не сведущий в риторике слушатель отлично сознает, что не всё, изреченное хотя бы и самыми авторитетными устами, нужно понимать буквально – ведь на самом деле сивый мерин не врет. В речи перед колхозниками Сталин в

кий) импровизировать умели, и это подробно зафиксировано в источниках, но о такой же способности Сталина нет ни единого свидетельства – и невозможно вообразить, что на Съезде колхозников он вдруг обрел специфический дар, которого до того не имел, а затем сразу утратил.

⁴ Известно, что сочинения Ленина и Сталина до 1935 г. редактировал И. П. Товстуха и затем его преемники, но то была содержательная редактура, а стиль Сталина, как и стиль Ленина, никто, разумеется, не правил и тем более не заменял одни риторические фигуры другими.

развернутом виде использует ту же риторическую фигуру, которую использовал в черновике статьи 1927 г., но тогда при правке он этой фигурой пожертвовал, а речь явно не перебеливал. Остается добавить, что фигура эта, не будучи по содержанию «марксистской» или «марксистско-ленинской» в строгом смысле слова, несомненно указывает на связь с марксизмом – тут и борьба классов, и смена общественно-исторических формаций. Отсюда не следует, будто Сталин учил колхозников марксистскому пониманию истории, но следует лишь, что сам он (как мы знаем из множества источников) понимал историю именно так, а потому и уникальность Октябрьской революции расхваливал в выражениях, согласовавшихся с его более общими взглядами.

При этом о борьбе классов, смене формаций и пр. Сталин затем высказывался не раз, но о «революциях» рабов и крепостных он не поминал больше никогда, и анализ приведенных текстов 1927 и 1933 гг. наглядно демонстрирует, что под этими «революциями» никогда не подразумевались конкретные события – то был лишь риторический прием, усиливавший мысль об исторической уникальности Октябрьской революции.

2. *«Революция рабов» в первые годы после Съезда колхозников.* Сколько бы ни говорили, будто каждое слово Сталина подхватывалось на лету, становясь теорией, лозунгом или практическим правилом, это верно лишь применительно к тому, что сам Сталин обозначал как важное и/или хотя бы достаточно часто повторял (например, писал «эксплоатация» через О, и при его жизни даже у Ленина У правили на О). Но кое-что Сталин говорил между делом, и такое иногда подхватывалось, а иногда нет. Хороший пример – «революция крепостных крестьян», которая началась и закончилась на Съезде колхозников, ничего не добавив к марксистско-ленинской исторической науке, в которой феодальные отношения разрушаются не крепостными, а буржуазией. Как верно замечает по этому поводу С. Б. Крих, медиевистов никто не подгонял⁵, но не только медиевистов – не

⁵ Лишь в 1949 г. просветить медиевистов попытался Б. Д. Греков, автор известной теории о том, что древняя Русь шагнула в феодализм прямо из родового строя, минуя рабовладение: в сборнике к 70-летию Сталина, содержащем статьи о роли Сталина в самых разных науках, Греков намекает на недостаточное внимание коллег к «революции

вспоминал Сталин и о «революции рабов» (Крих 2014: 16), которая тем не менее надолго стала важной частью советского исторического нарратива.

Считается, что первой и едва ли не самой яркой реакцией на речь Сталина был переполох из-за брошюры Л. Л. Ракова. О конце рабовладения классики марксизма не высказывались, тут оставалась некоторая свобода маневра, и зимой 1933 г., совсем незадолго до Съезда колхозников, С. И. Ковалев выпустил статью, в которой утверждал, что программа рабских восстаний была реакционной, а все большие восстания рабов случились в эпоху расцвета рабства (Ковалев 1933: 31–32). Аспирант Раков использовал эту мысль в брошюре «К проблеме разложения рабовладельческой формации», причем тираж якобы был готов чуть ли не накануне речи Сталина – его успели задержать и внести необходимые исправления (Копржива-Лурье 1987: 142–144)⁶. Понятно, что о реакционности рабских восстаний никто больше не вспоминал. Мало того, советские медиевисты, будто пропустившие мимо ушей «революцию крепостных», кое-что все же услышали: никто из них не высказывался в том смысле, что такой революции не было, что крестьянские восстания не могли в нее перерасти или что крепостные по большей части были «реакционнее» своих хозяев – возражать Сталину мог только безумец. Медиевисты и не возражали, они попросту не ссылались на «революцию крепостных», словно Сталин о ней не говорил. Но ведь «революции рабов» тоже никогда не было, Сталин и о ней сказал о между делом и, в сущности, для красного словца! Казалось бы, довольно по примеру медиевистов просто не касаться более темы, не имеющей ничего общего ни с какой историей – но вышло, как мы знаем, иначе, а если так, историкам древности, в отличие от медиевистов, «революция рабов» зачем-то оказалась нужна.

крепостных», признаки которой ищет в России XIX в. (Греков 1949: 242–246) – к источникам он не обращался, никаких последствий его статья не имела, а через три с небольшим года оказалась и вовсе неактуальна.

⁶ История эта известна автору книги (Я. С. Лурье) с чужих слов и при передаче заметно беллетризована, но трудно сомневаться, что поначалу Раков действительно опирался на мысль Ковалева о реакционности рабских восстаний и что какая-то правка в брошюру по необходимости вносилась.

Тут нельзя не напомнить, что вопрос о реакционности или прогрессивности тех или иных восстаний в контексте теории классовой борьбы – это не столько история, сколько способ рассуждать о ней, так как вне зависимости от оценки, скажем, восстания Спартака, самый факт этого восстания и основную последовательность его событий никто отрицать никогда не пытался. Лишь изредка некоторые частные интерпретации (например, гипотеза о рабском происхождении пресловутого Савмака) чуть модифицировали фактическую сторону дела, но и они не посягали на общий ход событий (скажем, на то, что Савмак убил царя Перисада), мало того, не посягает на него, в сущности, и «пятичленка» – тоже не сама история, а способ ее периодизации, не лучше и не хуже периодизации Тойнби, который начал публиковать свой многотомный труд тогда же, в 1934 г. Различие в том, что периодизация Тойнби не была использована тоталитарной идеологической машиной, а периодизация Струве была, чем иногда объясняются те ее изъяны, которые присущи любой периодизации – надуманность, натянутость, подверстывание фактов под схему и прочее, неизбежно обнаруживаемое во всех подобных спекуляциях.

Иное дело «революция рабов» – не рассуждение, а само событие, не имеющее ничего общего ни с каким историческим фактом, зато объясняющее нечто важное, в нашем случае «ликвидацию» рабовладельческого способа производства. Подобные объяснения, имеющие авторитетный источник и после прохождения цензуры общего мнения становящиеся более или менее общепринятыми, нередко пополняют мифологический ресурс, как, например, миф о том, почему вон та скала на фригийском берегу похожа на женщину (а это Ниоба, дочь преступного Тантала) или даже почему римляне враждуют с греками – при том, что последний («троянский») миф до поры имел, конечно, и пропагандистское назначение. Современные мифы преподносятся, как правило, в наукообразной форме и с претензией на достоверность, но ничто в их природе от этого не меняется: сначала сообщение с отсылкой (часто ложной) к авторитету, затем восприятие обществом в качестве не требующей дальнейших доказательств истины, затем функционирование в качестве общепринятого объяснения чего-то, чему не нашлось лучшего объяснения – таков, например, миф о панике, охватившей персов при Марафоне и обеспечившей

афинянам победу (Рабинович 2012: 91–120). Словом, при необходимости «революция рабов» из речи Сталина могла стать зародышем мифа, который предстояло развить в сюжет – тоже мифический, разумеется. Этим и занялись историки древности, а медиевисты «революцией крепостных» пренебрегли, хотя и ее можно было использовать, как любое слово Сталина, всё равно о чем. Отсюда, как сказано, следует, что у медиевистов, потребности в мифической «революции крепостных» не было, а у историков древности потребность в «революция рабов» была – потому-то они (без поддержки самого Сталина или влиятельных лиц из его ближнего круга) начали этот миф творить.

Что «революция рабов» была не навязана сверху, а добровольно выбрана, пусть с отсылкой к авторитету вождя – из этого и придется исходить далее. Правда, никто из выбравших «революцию рабов» (их и было-то всего несколько человек) никогда самостоятельно до такого бы не додумался, но, строго говоря, до такого не додумался и Сталин, преследовавший, как сказано, прежде всего риторические задачи; в науке он поддерживал или запрещал созданное другими, как «новое учение о языке» или «пятичленку», а в качестве участника дискуссии о языкознании выступил гораздо позже и тоже не вполне самостоятельно. Зачем историкам понадобилась «революция рабов» станет понятнее, если вспомнить, что вскоре Сталин снова обратился к древности, на сей раз к конкретному примеру; через год после речи на Съезде колхозников в (теперь наверняка тщательно подготовленном) отчетном докладе на XVII съезде ВКП /б/, осуждая немцев за расовую заносчивость, он сказал:

Старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, – между нами будь сказано, – старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? *Вышло то, что неримляне, т.е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим.* Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? (Сталин 1951, 13: 296).

Кое-что здесь преувеличено, как «общеварварский союз», но в целом этот пассаж гораздо содержательнее риторики на Съезде колхозников и куда ближе к исторической правде – однако ни о какой революции Сталин здесь не говорит, он морализирует о былом величии Рима, а это из школьного набора общих мест.

Тем не менее марксистско-ленинская наука немедленно назначила варваров соучастниками «революции рабов», накрепко связав исход этой «революции» с событиями V в. н.э. Хотя, как справедливо напоминал совсем недавно С. И. Ковалев, все большие рабские восстания случились лет на пятьсот раньше, проблему почти сразу решил (в основном стараниями того же Ковалева) своего рода компромисс: «революция рабов» была разделена на «этапы», первый начинался почти сразу после сожжения Карфагена и длился лет сто, а затем после очень-очень долгого перерыва наступал «второй этап», когда рабы и колонны вместе с варварами «ликвидировали» Рим и рабовладение – всё это прекрасно описано в специальном разделе монографии С. Б. Криха (Крих 2013: 116-133).

Вот так, совсем скоро после речи на Съезде колхозников, обнаруживается, зачем понадобилась «революция рабов». У Сталина неведомо какие рабы ликвидируют неведомо какое рабовладение – а в опирающемся на авторитет Сталина мифе «революция рабов» сокрушает, пусть не с первой попытки, Империю римского народа. Не только медиевисты словно бы не заметили свою «революцию крепостных» за полной ее ненужностью, большинству историков древности «революция рабов» тоже оказалась ни к чему – если только речь не шла о падении Рима! Едва ли не лучший примером служит сам Ковалев: он был как автором, так и ответственным редактором нескольких учебников по истории древнего мира – и у греков никогда никакой «революции рабов» нет, а у римлян есть, в два этапа, второй с катастрофическими последствиями. Итак, «революция рабов» актуальна лишь применительно к истории Рима, а значит, ответ на вопрос нужно искать там – об этом свидетельствует и судьба мифа.

3. *После Сталина: от «революции» к «открыванию ворот».* В отличие от теории формаций, «революция рабов» не входила в марксистско-ленинский катехизис и имела успех в основном у

вузовского начальства, притом не самого важного – но вузовские и школьные учебники пишет или хотя бы редактируют как раз такое начальство. Правда, дискуссиям положено было поощряться «сверху», так что никак не поощряемая дискуссия о «революции рабов» постепенно затухала и не позднее 1950-х прекратилась – однако лишь в академической среде, у профессиональных историков. А в историческом нарративе, пусть не сугубо академическом, эта «революция», возможно, продолжается донныне.

Прежде всего миф надолго закрепился в преподавании, в вузовских и школьных учебниках – отметим, что, возникнув с опорой на авторитет Сталина, он и после Сталина сохранял налет официозности. Так, в 2012 г., на заседании памяти М. С. Садовской, известный краевед А.А. Марков вспоминал, что на экзамене она спросила о его отношении к «советской концепции революции рабов», и видел в этом признак свободомыслия (Махлаюк 2011: 249–253). Садовская поступила в аспирантуру в 1955 г., а разговор состоялся в 1970-х, но оба собеседника помнят все цитаты чуть ли не наизусть, и это понятно: через десятилетия после смерти Сталина и завершения академической дискуссии о «революции рабов» в учебниках эта «революция» часто сохранялась: все учились по Машкину (чаще) или по Ковалеву (реже), нередко по старым изданиям, где был не только раздел «революция рабов», но и ссылка на Сталина; в школьном учебнике тоже был соответствующий параграф, хотя без ссылок (да после 1953 г. ссылка на Сталина и не добавила бы тексту авторитетности): изданный в 1954 г. под редакцией С. И. Ковалева и Е. М. Штаерман школьный учебник использовался очень долго, с «революцией рабов» там связывалась приходившаяся на 476 г. гибель Западной Римской империи. А вот как выглядит абзац из статьи «Падение Западной Римской империи» сегодня, в русской Википедии:

Западную империю изнутри подтачивало движение рабов и колонов, а снаружи постоянно беспокоили набеги варваров, что, по одной из версий, привело к её упадку. В 410 году вестготами был взят Рим, а 4 сентября 476 года вождь германцев Одоакр заставил последнего западного римского императора

Ромула Августа отречься от престола. Таким образом завершилось 12-вековое владычество Рима⁷.

Здесь уже нет слов «революции рабов», но всё прочее на месте, даже колонны. Другой своеобразной компенсацией «революции» можно считать сообщение, что в 410 г. ворота Рима вестготам Алариха открыли рабы: так в вузовском учебнике под редакцией В. И. Кузищина, в частности, в издании 2000 г. (Кузищин 2000: 348), так и в нынешнем школьном учебнике, естественно ориентированном на вузовский, то есть содействие рабов гибели Рима оказалось живучим сюжетом – пусть совсем кратким, но мифу довольно и одной фразы.

Итак, в связи с «революцией рабов» Сталин о Риме и о варварах не говорил, эта «революция» времени и места не имеет; позднее он упомянул разрушение Рима варварами, зато теперь ни с какой революцией это не связал; упоминания обоих событий служат чисто риторическим задачам. А тогда остается повторить уже высказанное предположение, что всё это – в заметно переработанном виде – было использовано историками и принято обществом в качестве неоспоримой истины, то есть мифа, потому что запрос на миф уже сформировался. По той же причине после смерти Сталина миф об участии рабов в разрушении Империи продолжал (и в какой-то мере продолжает) существовать – теперь, как положено мифу, поддерживаемый лишь авторитетом традиции.

Но коль скоро никакой «революции рабов» никогда не было, а объяснением важнейшего исторического события, падения Римской империи, она служит до сих пор, ясно, что, хотя формально этот миф восходит к Сталину, он отлично обходится без Сталина, чья риторика, повторим, не была использована в качестве мифообразующей никакими историками, кроме историков Рима. Созданный ими и вошедший в массовое употребление миф действительно выглядит марксистским, так как основан на «классовой борьбе», и сталинским, так как в начале своего бытования опирался на авторитет Сталина, но принадлежность его одному-единственному разделу всемирной истории указывает, что запрос на миф создан не марксизмом и не Сталиным, а Римом – вернее, проблемой его «падения».

⁷ Последнее обновление 27 января 2017.

4. *Падение Западной Римской империи.* Действительно, всем, равно марксистам и немарксистам, всегда было известно, когда и как пали Персия Ахеменидов или Египет Птолемеев; то же можно сказать почти обо всех исторических державах, как Австро-Венгрии или СССР. Исключением является Римская империя: никто не способен доказательно утверждать, что она пала тогда-то, при таких-то обстоятельствах, по таким-то причинам. Предлагаемых дат немало, причин еще больше, в известной книге Александра Демандта число их переваливает за две сотни: иные явно нелепые, как «браки по расчету», иные не хуже прочих, как «децентрализация», но доказать их губительность для Империи в равной мере невозможно (Demandt 1984: *passim*). Сходно обстоит дело с датами: то ли Империя пала 11 мая 330 г., когда Константин основал «Новый Рим» на Босфоре, то ли в 395 г., когда Феодосий вновь разделил державу на восточную и западную части, то ли из-за набега Алариха в 410 г., но эти предположения не выходят за пределы неживых академических дискуссий, а общеизвестная и общепринятая дата одна – 4 сентября 476 г.; о ней и пойдет речь далее.

Вообще говоря, дело тогда ограничилось двумя (очередными!) дворцовыми переворотами: в 475 г. *magister militum* Флавий Орест прогнал сидевшего в Равенне законного (назначенного в Константинополе) «западного августа» Юлия Непота и посадил вместо него своего сына Ромула, прозванного за малолетство *Augustulus*, а осенью 476 г. Одоакр, германец на римской службе, убил Ореста, Ромула отослал в Кампанию и вернул императорские инсигнии «восточному августу» Зенону⁸: мол, Сенат и народ не считают целесообразным дальнейшее деление Империи, довольно нам и одного августа, в Константинополе. Зенон наделил Одоакра некоторыми властными полномочиями, однако низложение Непота не признал, хотя после его гибели в 480 г. нового августа в Равенну так и не назначил – а еще через несколько лет начал войну с Одоакром. Всё это более или менее одинаково описано у разных авторов: у

⁸ Первое административное разделение Империи (продолжавшееся примерно сорок лет) произошло при Диоклетиане, который взял себе Восток и назначил «западного августа»; еще заметнее главенство «восточного августа» стало при втором разделении, через полвека после переноса столицы в «Новый Рим», где до того пребывал единственный август, а теперь на его месте оказался «восточный».

современника событий греческого историка Малха, затем в «Хронике» Кассиодора и у других, так что всё это – достоверные факты. Сложнее обстоит дело с их интерпретацией.

Хотя лишь через несколько десятилетий, уже при Юстиниане, в Равенне на два столетия водворился константинопольский экзарх, зримо воплощавший суверенитет автократора, теперь единственного, уже в 489 г. в Италию по приказу Зенона вторгся во главе своих остготов Теодорих Великий, которому тот велел Одоакра выгнать. Теодорих с задачей справился, но Зенон умер, переговоры с императором Анастасием затянулись – и Теодорих объявил себя «царем» (rex) готов, а Анастасий добавил к этому только звание правителя (но не августа) западной части Империи. Правил Теодорих до 526 г., в основном весьма успешно: расширил и упрочил западные границы Империи, наладил жизнь в Италии и в соседних странах, укреплял власть Сената и поощрял всё римское, желая объединить римлян с готами в единый народ; время это нередко называется «готским возрождением» – и возрождались, конечно, не готы, а римляне.

В 550 г. сановник Касталий поручил потомственному нотарию Иордану сделать краткий пересказ завершённой лет за десять до того объемистой «Истории готов» Кассиодора, дошедшей до нас лишь в этом пересказе – при том, что Иордан пользовался, конечно, и другими источниками; о поручении Касталия он сообщает в предисловии к «Гетике», о своей должности говорит уже по ходу повествования (Get. 316), а о низложении Ромула сообщает вот что:

Odoacer Tocilinguorum rex habens secum Sciros, Herulos, diversarumque gentium auxiliaries Italiam occupavit et Orestem interfectum Augustulum filium eius de regno pulsum in Lucullano Campaniae castello exilii poena damnavit. (243) Sic quoque Hesperium Romanae gentis imperium, quod septingentesimo nono urbis conditae anno primus Augustorum Octavianus Augustus tenere coepit, cum hoc Augustulo periit anno decessorum prodecessorumve regni quingentesimo vicesimo secundo, Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque tenentibus (Mommsen 1882: Get. 242–243). Одоакр, царь Тоцилингвов, имея с собою Сциров, Герулов и от различных племен вспомогательные войска, занял Италию и после убиения Ореста сына его Августула, отрешив от царства, покарал изгнанием в Лукулловом замке в Кампании. Вот так Гесперийская империя римского племени, которую в 709 году от основания Города взялся держать первый из Августов,

Октавиан Август, сгинула вместе с этим Августулом в год правления его предшественников 522, и с тех пор Рим и Италию держат цари Готов.

Тут невозможно не вспомнить, что к 550 г. никакие «цари готов» уже лет десять ничего не «держали» и что «Гетика» завершается рассказом о событиях 540 г., когда Велисарий лишил власти готскую династию Амалов. Заметно также, что на фоне довольно сухого и не слишком изящного слога «Гетики» этот отрывок неожиданно витиеват – отсюда естественный вывод, что этот пассаж позаимствован, но не у Кассиодора, который в своей «Хронике» ничего о падении «Гесперийской империи», конечно, не говорит⁹. Зато полутора десятилетиями ранее высокопоставленный придворный Юстиниана Марцеллин Комит завершил свой «Хроникон»; писал он по-латыни, но (как сам объявляет в предисловии) почти только о том, что происходило в восточной части Империи, которую называет *imperium Orientale* – и 476 г. начинается у него с событий на Востоке, однако затем он рассказывает о событиях на Западе, что делает нечасто и вкратце, а здесь рассказ по его меркам подробный:

Odoacer rex Gothorum Romam optinuit; Orestem Odoacer ilico trucidavit; Augustulum filium Orestis Odoacer in Lucullano Campaniae castello exilii poena damnavit. *Hesperium Romanae gentis imperium, quod septingentesimo nono urbis conditae anno primus Augustorum Octavianus Augustus tenere coepit, cum hoc Augustulo periit, anno decessorum regni imperatorum quingentesimo uigesimo secundo, Gothorum dehinc regibus Romam tenentibus* (Mommsen 1894: Chron. AD 476). Одоакр, царь Готов, захватил Рим; Ореста Одоакр немедленно умертвил; Августула, сына Орестова, Одоакр покарал изгнанием в Кампании, в Лукулловом замке. Гесперийская империя римского племени, которую в 709 году от основания Города взялся держать первый из Августов, Октавиан Август, сгинула вместе с этим Августулом в год правления императоров 522, и с тех пор Рим держат цари Готов.

Ясно, что это и есть источник Иордана, в начале не слово в слово (Иордан улучшил синтаксис, исправил две ошибки, так

⁹ В «Хронике» (A. D. 476) Кассиодор сообщает, что Одоакр низложил Ореста и «присвоил себе звание царя, однако ни пурпуром, ни регалиями в качестве инсигний не воспользовался», то есть на звание августа не претендовал – только это для Кассиодора и важно.

как Одоакр не был «царем Готов» и даже готом, а переворот произошел, разумеется, не в Риме, а в Равенне; «отрешивши от царства» Иордан добавил от себя), но фраза о гибели «Гесперийской империи» у обоих авторов совпадает почти буква в букву. Если так, откуда взял этот пассаж Марцеллин, еще меньше Иордана склонный к витиеватости и, как видно по «Одоакр захватил, Одоакр умертвил, Одоакр покарал», далеко не искусный стилист? Несохранившийся источник несомненно был латинским (перевести такое не проще, чем написать), и возможных авторов предлагалось несколько – всё «последние римляне», оплакивающие судьбу доставшейся готам державы, и особенно подходящим одно время считался Квинт Симмах, тесть Боэция, казненный вместе с ним в 525 г., а до того написавший «Римскую историю», от которой остались незначительные фрагменты – и ничего похожего в них нет.

Наконец, в 1983 г. проблема отчасти разрешилась благодаря Брайану Кроуку, который убедительно показал, что сама мысль, будто низложение Ромула означает конец «Западной империи», никак не могла возникнуть на Западе при Одоакре, Теодорихе или Аталарихе, демонстративно лояльных суверенитету константинопольского автократора, так что у работавших на Западе в эпоху «готского возрождения» писателей попросту не было повода связывать низложение Ромула с крушением державы. Зато Марцеллин, хоть и писавший по-латыни, был византийский книжник, разделявший взгляды своего окружения: он работал до того, как Юстиниан отвоевал Запад, но после того, как при Зеноне Запад лишился собственного августа – а к этому времени, полагает Кроук, ссылаясь на достаточно надежных авторов вроде Малха или Дамаския, многие на Востоке совершенно уверились, что Запад для Империи потерян, по Италии бродят дикие орды, а Рим обезлюдел и запустел (Croke 1983: 81–119).

Приводимые Кроуком примеры того, как отзывались о низложении Ромула писавшие по-гречески Евагрий Схоластик, Феофан Исповедник и некоторые другие, обнаруживают много сходства с цитированным отрывком Марцеллина-Иордана как по содержанию, так и по форме, особенно в счете годов и в игре именами, хотя с поправкой на греческий язык – трудно не согласиться, что представление о Ромуле Августуле как о последнем императоре и о 476 г. как о годе падения Западной империи

имеют своей родиной не Рим и тем более не Равенну, а Константинополь, потому что так думали и писали только там.

Однако из греческих историков лишь Малх был современником событий, а труд его дошел через Фотия, во фрагментах: во frg. 10 (Blockley 1983: *Byzantiaca*) о перевороте Одоакра сказано – а было ли дальше сказано о гибели «Гесперийской империи», этого уже не узнать, пусть во frg.16 и упоминается упадок Запада и что Рим обезлюдел; притом слог Марцеллина, как сказано, совсем не похож на перевод. Прочие авторы, на которых ссылается Кроук и которые говорили о падении Империи после низложения Ромула, жили позже или гораздо позже, хотя и пользовались какими-то более ранними источниками, но Марцеллин и Иордан как раз и относятся к категории «более ранних источников». Стало быть, из тех, кто нам известен, первым (вероятно, чужими словами) связал низложение Ромула с падением Империи Марцеллин, пусть выражавший принятые в его среде мнения – но мнения могут принимать разную словесную форму.

Итак, в предисловии Марцеллин объявляет, что будет писать об *imperium Orientale*, но тогда в рассказе о 476 г. естественно было бы говорить об *imperium Occidentale*, а у него греческое *Hesperium*, хотя по-латыни это троп (глосса), изредка используемый в стихах и в парадных речах, но никак не применительно к административному делению Империи. Неуместна в хронике и игра именами *Augustus* и *Augustulus*, усиленная счетом годов, притом неверным, так как началом Империи (которую в ту пору рано было называть «западной») объявлен год усыновления Октавия Цезарем. Столь же неуместно «римское племя» (*gens Romana*): *gens* – группа лиц, имеющих общего предка, и римлян называют «племенем», имея в виду их общее происхождение от Энея и его дружинников, так что словосочетание это встречается в основном в мифопоэтических контекстах (скажем, у Овидия); между тем держава, *imperium populi Romani*, принадлежит не роду-племени, а гражданской общине, отличающейся от племени даже по персональному составу (*gens* – все потомки мифического или исторического предка, независимо от пола и возраста, а *populus* – лишь полноправные граждане). Конечно, любая из этих стилистических несообразностей могла быть случайной, но сочетание стольких случайностей в столь малом текстовом

объеме слишком маловероятно и лишний раз подтверждает, что Марцеллин просто позаимствовал откуда-то понравившуюся ему фразу, ничего в ней не изменив. Источник его навряд ли будет обнаружен, но на основании содержания и стиля можно сделать кое-какие предположения.

Трудно не согласиться с Кроуком, что сама мысль о падении Запада из-за переворота Одоакра могла родиться лишь на Востоке, а значит, скорее всего неизвестный автор – старший современник Марцеллина, принадлежавший к тому же писательскому кругу и тоже, конечно, писавший по-латыни. Витиеватость в сочетании с не совсем бережным отношением к исторической правде выдают в нем софиста, пекущегося главным образом об эффектности – при том, что, в отличие от неновых *Hesperium* и *gens Romana*, игра именами *Augustus-Augustulus* сразу эффектна и оригинальна. Естественно предположить, что наш софист потому и назначил падением «Гесперийской империи» не изгнание или смерть хотя бы Юлия Непота (как-никак последнего «западного августа»), а низложение юного импостора, чье прозвище лучше подходило для счета лет «от Августа до Августула», а если так, он и объявил 476 г. годом падения Римской империи. Конечно, неопровержимо доказать подобное можно лишь при наличии текста, так что гипотеза останется гипотезой и первым, кто сказал о падении «Гесперийской империи» после низложения Ромула Августула останется для нас Марцеллин – для дальнейшего не так уж важно, случилось это в 534 г. (год завершения «Хроникона») или раньше. Через несколько лет Иордан позаимствовал у Марцеллина цитированный пассаж, причем сомнительная хронология и едва ли не более сомнительная связь судьбы «Гесперийской империи» с судьбой Августула не вызвали сомнений и у него: до побед Велисария Запад был, по общему мнению, погружен в хаос, а «Хроникон» считался надежной летописью и (в основном) действительно был таковой.

Греки, писавшие о связи падения «Гесперийской империи» с переворотом Одоакра, почти наверняка заимствовали не из гипотетического источника Марцеллина, а прямо из «Хроникона», или из «Гетики» или, наконец, друг у друга. Никакого намерения исправить фактическую сторону рассказа не заметно и у них, но они поневоле правят риторике: игра латинским *Augustus* по-гречески невозможна (титуды переводятся, и

Σεβαστός для такой игры не годится), поэтому они играют именем «Ромул», что приводит к изменению в счете годов – уже не от Августа до Августула, а от Ромула, основателя Рима, до императора Ромула, поэтому годов выходит больше, а совпадение с латинским источником хоть и явное, но не слово в слово и заметно беднее риторическими прикрасами, пусть главная из них, игра именами, в измененном виде сохраняется¹⁰.

Между тем, откуда бы ни взялась обсуждаемая фраза у Марцеллина, она-то как раз изобилует прикрасами – а прижилась сначала в сугубо исторических трудах Марцеллина и Иордана и затем в других, пусть реже читаемых, но тоже исторических текстах, а следовательно, должна была пониматься так же буквально, как, например, предшествующее ей (у Марцеллина и Иордана) сообщение о ссылке Ромула в Кампанию. Тут, конечно, нельзя не вспомнить историзацию другой риторической прикрасы – сталинской «революции рабов».

Использованная Сталиным амплификация была чуть ли не назавтра превращена советскими историками-марксистами в миф, который и без Сталина еще жив – пусть жизнью почти призрачной, но мы знаем, что мифологические реликты могут сохраняться очень долго. Иная судьба у «гибели Гесперийской империи». По состоянию рукописной традиции видно, что Иордана читали охотно, а кто-то читал и Марцеллина, а кто-то и греческих авторов – но мнение, будто в 476 г. после низложения Ромула «Гесперийская империя» уничтожилась, не только не стало общепринятым, а и вообще имело весьма ограниченное (в пределах очерченного Кроуком круга) хождение, да и то, похоже, в качестве красивой фразы. В начинавшейся теперь от сотворения мира истории было лишь

¹⁰ Так, Феофан Исповедник, составлявший свою «Хронографию» почти через три столетия после «Хроникона», путался в годах и датах: низложение Ромула он датирует 5965 СМ (465 г.), а до того Ромул якобы правил два года; о многовековом интервале между первым Ромулом и последним сообщается еще более невнятно. Тем не менее, как нередко бывает при воспроизведении чужого текста, путаница совмещена с попыткой рационализации, и здесь это привлечение читательского внимания к самому эффектному, к именам: καὶ σημειώτέον, ὡς ἀπὸ Ῥωμύλου ἢ τῆς ἐσπέρας ἀκμάσασα βασιλεία πάλιν ἐπὶ Ῥώμυλον μετὰ τοσοῦτους ἐλαύσατο χρόνους ‘и примечательно, что Западное царство, при Ромуле процветшее, Ромулом же после толикого времени и окончилось...’

одно переломное событие, Воплощение Слова, и ни усыновление Цезарем Октавия, ни убийство Одоакром Ореста к переломным событиям не причислялись – как и низложение Августула. Поэтому сказанное Марцеллином о падении «Гесперийской империи» хоть и обладало присущей мифу фактурой, то есть могло бы стать мифом, на деле мифом не было, так как не прошло цензуру общего мнения и не было повсеместно принято в качестве объяснения гибели Римской империи, которая притом продолжала существовать.

5. *Две даты Гиббона.* Итак, впервые о гибели «Гесперийской империи» было сказано не позднее 534 г., и на протяжении двенадцати с лишним веков это утверждение иногда воспроизводилось, но никогда не использовалось для построения исторического нарратива – вплоть до 1776 г., когда Эдуард Гиббон заставил европейцев задуматься о падении Римской империи. Вышедший в 1776 г. первый том «Истории упадка и падения Римской империи» охватывал время от конца II в. н.э. до 476 г. (Gibbon 1776: passim)¹¹ – сначала здесь автор и хотел поставить точку, но в ходе работы осознал, что датой падения Империи разумнее считать взятие Константинополя в 1453 г. В известном смысле то была смена концепции, так как тогда (да и позже) признавать «Византию» Римской империей было не совсем принято, но Гиббон замысел свой исполнил, его Римская империя пала вместе с Константинополем, а 476 г. оказался чем-то вроде промежуточной даты, когда пала только Западная империя. При этом как 476 г., так и «Западную империю» Гиббон позаимствовал, конечно, у Марцеллина и чуть более позднего, зато более авторитетного Иордана.

Вообще говоря, метод Гиббона почти безупречен: описывая «упадок и падение» Империи, он, как и принято в исторической науке, опирается прежде всего на свидетельства современников событий и их ближайших потомков. В свидетельствах об упадке недостатка не было никогда, оставалось выбрать, с какого момента им сто́ит верить – и Гиббон сделал вполне рациональный выбор, так как именно после смерти Марка стало ощущать-

¹¹ Отметим, что в предисловии Гиббон обещает описать «the memorable series of revolutions», имея в виду, конечно, перевороты, включая переворот Одоакра.

ся приближение кризиса, обычно называемого «веком солдатских императоров», хотя точнее было бы говорить о полувеке. Кризис Империя преодолела, но тем временем усилилось христианство, скоро превратившееся в государственную религию, и Гиббон, следуя многим древним авторам, был уверен, что упадок Империи не в последнюю очередь связан с усилением Церкви. А вот о «падении» свидетельствовали, в сущности, лишь Марцеллин и Иордан, и у них это падение представлено следствием прекращения квазидинастии «августов», хотя прекратить ее решили в Константинополе, ведь именно Зенон после смерти Непота не назначил нового «западного августа»... – но ничего другого традиция не предлагала, и Гиббон принял единственное, что предлагалось, то есть 476 г., а заодно и «Гесперийскую империю» (о «Западной империи» он говорит довольно часто, едва после реформ Диоклетиана к тому является повод); тексты Марцеллина и Иордана Гиббон расценивал, конечно, как исторические, то есть достаточно достоверные, так как более детальная критика источников явилась лет через полтора, с расцветом школы «Анналов», и до сих пор применяется далеко не всеми.

Успех труда Гиббона был огромен, но 1453 г. так и остался для европейцев годом падения «Византии»: читатели Гиббона, как и их потомки, вслед гуманистам признавали себя культурными преемниками древних греков и римлян, а не восточных схизматиков. Не последней причиной было и то, что представление о Римской империи устойчиво связывалась с древнеклассической культурой, то есть с язычеством или (коль скоро апостольская проповедь началась в I в. н. э.) хотя бы с двоеверием, а язычество к концу V в. было вытеснено в глухие углы: даже «готские цари» были христианами, и общность *populus Christianus* была едва ли не значимее общности *populus Romanus*. Вообразить, что после ухода «последних римлян» их Империя сохраняется на Босфоре было нелегко – место этой Империи было в классической древности. В результате вскоре любой школьник знал имя «последнего римского императора» (Ромула Августула) и год «падения Римской империи» (476 г.). Сейчас любой школьник этого не знает, но не знает и ничего другого: история древнего Рима всегда завершается если не переворотом Одоакра, то (с незначительными оговорками) неподалеку

от него¹². Таким образом, Гиббон ввел в европейский научный и – шире – культурный обиход представление «о падении Римской империи», и при этом подтвердил (а по сути, воссоздал) объявленную авторами VI в. дату этой гибели. Зародыш мифа о падении Империи 476 г. появился не позже «Хроникона», но в полноценный миф это сообщение превратилось благодаря Гиббону, чей авторитет сделал его хрестоматийным – хотя оно по-прежнему остается мифом, коль скоро в 476 г. никакая империя не пала.

Несущей структурой повествования естественно являются у Гиббона главные исторические события, и на эту структуру опирается описание приведших к ним процессов, что согласуется и с названием труда: *decline* – это процесс, а *fall* – событие. И если с памятью о таком противопоставлении процесса и события взглянуть на развитие исторической науки в последующие полтора века, видно, что исследовательское внимание всё заметнее смещалось от событий к процессам, особенно в XIX в. – во многом потому, что история впитывала тогда достижения других наук (экономики, антропологии, естествознания), а те изучали, конечно, почти только процессы. Это способствовало и интересу к периодизации, потому что наглядный способ обозначения временных отрезков («от осады Вены до битвы при Лепанто») годился теперь не всегда, а часто и вовсе не годился.

Удовлетворительно решить проблему периодизации истории не удалось никому, но тогда же, в XIX в., явилось несколько понятий, которыми до сих пор обозначают те или иные эпохи, так что при всей своей условности они полезны – лучший тому пример «Ренессанс» Жюля Мишле и Якоба Буркхардта. Тогда же (в 1853 г.) трудами того же Буркхардта явилось понятие «поздняя античность», закрепившееся в научном обиходе и используемое до сих пор применительно как к Западу, так и к

¹² Так в вышедшей в 1933 г. много раз переиздававшейся и переведенной «Хронологии» Элиаса Биккерманна (Bickermann 1933); так в относительно новой книге Адриана Голдсуорти, пусть не связывающего «падение Запада» с низложением Ромула, но называющего его «последним императором», да и «смерть Империи» наступает у него в конце V в.; в тексте всё это утоплено в рассуждениях, но в хронологической таблице очень заметно (Goldsworthy 2009); так в упоминавшемся учебнике Кузицина, и у многих других.

Востоку римского мира. Нижней хронологической границей «поздней античности» считается обычно правление Диоклетяна, положившее конец смуте «солдатских императоров» и повлекшее важные реформы, в частности, первое административное разделение Империи на две части со своим августом в каждой. Для верхней хронологической границы вариантов несколько, но самая общепринятая, особенно в последнее время, приходится на начало арабского завоевания, знаменующего переход к Средневековью.

Однако, хотя после Августа в Империю вошли все территории, где так или иначе существовала древнеклассическая цивилизация, никакая цивилизация не тождественна порожденным ею государственным образованиям – и внедрение понятия «поздняя античность» на хронологии падения Римской империи, предположительно свершившегося как раз в эту эпоху, почти не сказалось, хотя и укрепило мнение, что, как Средние века наступили не вдруг, так и Римская империя пала не вдруг (e. g. Bowersock 1996: 32–33). Восприятие падения как события всё чаще сменялось восприятием падения как процесса, и уже к началу XX в. римскую историю можно было рассказывать как по-старому (с великими людьми и решающими битвами), так и по-новому (с экономическими, демографическими и прочими процессами) – первый способ условно можно назвать школьным, второй университетским. Тем самым Ромул Августул и 476 г. были не то что радикально изъяты из исторического нарратива, но остались в его наименее академическом разделе (мифу это не опасно), а в академическом изучались процессы, прежде историков почти не интересовавшие. Характерно, что, когда в 1910-х гг. молодой Н. П. Анциферов, привыкший к «школьной» истории, стал слушать курс М. И. Ростовцева «Рождение принципата», он не без удивления отметил, что тот больше говорит о «силах», нежели о «личностях» (Анциферов 1992: 161). Вскоре, однако, Ростовцев покинул петербургскую кафедру и, уже в качестве «белоземigrанта», стал ведущим западным историком со своей школой, хотя и в СССР сохранял немалый авторитет.

6. *После Версаля.* Сегодняшний опыт отражается на изучении древности в основном через достижения науки и технологии – события новой и новейшей истории мало помогают понимание прошлого. Однако при завершении Великой войны поч-

ти в одночасье рухнули четыре империи, каждая по-своему – так, Австро-Венгрия подверглась полной деструкции, а Османская превратилась в квазинациональное государство. При наступившем коренном переустройстве мира разрушение империй можно было понимать как естественную часть этого переустройства, но невозможно было не заметить, что оно всякий раз совершалось в короткое время – вплоть до того, что имело (или претендовало иметь) определенную дату. Этот новый исторический опыт оживил внимание исследователей к падению Римской империи; здесь довольно упомянуть две работы двух российских академиков, действительного и иностранного: в 1922 г. явилась в свет статья известнейшего медиевиста и одного из отцов школы «Анналов» Анри Пиренна «Mahomet et Charlemagne», позднее переработанная в монографию (Pirenne 1922: 77–96; Pirenne 1937: *passim*), а через четыре года двухтомная «Social and Economic History of the Roman Empire» М. И. Ростовцева (Rostovtzeff 1926: *passim*); оба автора были не чужды текущей политике, причем Ростовцеву особенную неприязнь внушали большевики, а Пиренну германцы.

Преимущественное внимание Пиренна отдано не несостоявшемуся падению Империи в 476 г., а ее жизни в V–VII вв. (при столице, разумеется, в Константинополе): коммуникации, торговля, городской и сельский быт и пр. – всё это при продолжающейся романизации переселявшихся в римские земли варваров, которые затем и переселялись, чтобы стать римлянами. Губительным для своей «Романии» Пиренн считает лишь арабское завоевание, уничтожившее сложную систему связей, которая и была, в сущности, Римской империей, но арабское завоевание – длившийся десятилетиями процесс, а на глазах у Пиренна только что в одночасье обрушилось четыре империи, и он наконец-то предлагает новую дату падения Римской империи – 25 декабря 800 г., коронация Карла Великого, после которой Римский мир никогда уже не был единым, пусть сам Карл еще недавно к этому стремился.

В гораздо более объемистом труде Ростовцева разрушение Империи, напротив, описано как долгий (без конкретной даты) и гораздо более ранний процесс, совершившийся не на исходе «поздней античности», а незадолго до ее начала, при «солдатских императорах»: правда, Ростовцев не утверждает, будто затем Империя исчезла, просто с настоящей Империей она, по

его мнению, уже ничего общего не имела. Упадок городов, деградация муниципальной жизни и государственных институтов – всё это расценивается им как необратимое; описание в присущем ему духе модернизировано (говорится, например, о «городской буржуазии»), а разоряющие Империю невежественные орды достаточно прямо ассоциированы с теми, кто совсем недавно уничтожил собственное отечество Ростовцева – впрочем, и Пиренн видит в Карле носителя ненавистного «германского духа».

Ни Ростовцев, ни Пиренн в согласии с исторической правдой не делят Империю на «западную» и «восточную» иначе, чем в административном смысле, то есть говорят они об одной и той же Империи, зато в части хронологии расходятся так далеко, как только можно разойтись. Какой бы урон ни нанесли «солдатские императоры» укладу Империи¹³, кризис этот начался и закончился в эпоху классической древности, и в цивилизационном отношении время какого-нибудь Филиппа Араба не слишком отличается от времени Марка Аврелия – между тем «Романия» Пиренна всецело «позднеантичная» и почти всецело христианская. Выходит, Ростовцев не готов признать «позднеантичную» Империю подлинной, а Пиренн, напротив, на этом настаивает, а в итоге даже при самом непредвзятом отношении к проблеме у Ростовцева разрушение Империи кажется слишком ранним, а у Пиренна слишком поздним. И тут не уйти от вопроса о государственной Церкви, который был таким важным как для самих римлян, так и для Гиббона: с победой христианства был связан не только кризис цивилизации, трансформировавшейся в «позднеантичную», но и кризис Империи, так как государственная Церковь создавала – уже на государственном уровне – новые идентичности и актуализировала новые противопоставления.

Не углубляясь в эту бездонную тему, отметим, что изменения, вносимые Церковью в политический быт Империи, с самого начала были очень заметны как христианам, так и язычникам, и недаром бóльшая часть предлагаемых для «падения

¹³ Это распространенное и дополнительно обоснованное трудами Ростовцева и его последователей мнение не является всеобщим: иногда время «солдатских императоров» понимается как часть двухвекового «триумфа Империи» (Kulikowski 2016).

Римской империи» дат группируется в IV–VI вв., то есть между Константином, при котором процесс усиления Церкви начался, и Юстинианом, при котором он завершился – невозможно не считать это время решающим для самого существования Империи. Поэтому при сохраняющемся до сих пор авторитете Пиренна и Ростовцева и при том, что многие их выводы касательно положения дел в Империи стали более или менее общепринятыми, предложенные ими схемы уничтожения Империи, будь то в III в. или в VII в., были приняты к сведению, но в общепринятую хронологию серьезных изменений не внесли.

Однако в 1920-х работы обоих заслуженных авторов были новыми (в частности, по использованному материалу) и отражали недавний исторический опыт в условиях, когда историки должны были как-то на этот опыт реагировать – при том, что потребность переосмыслить прошлое не могла не возникнуть и у советских ученых, тоже отлично помнивших падение империй, особенно собственной. При этом само собой разумелось, что марксистско-ленинская наука не поплетется в хвосте у западной, а переосмыслит историю с помощью единственно верного метода, коим уже обладает – так и случилось.

7. Рождение мифа. Известно, что классицисты по большей части консервативны, предпочитая новому – по крайней мере, в своей области – проверенное и/или привычное. Причина тут не столько в древности филологии (геометрия древнее), сколько в том, что теснее всего классицизм всегда был связан со школой, а школа консервативна по определению, раз учит уже известному. Вот и советские историки древнего мира в большинстве своем были довольно консервативны просто потому, что занимались историей древнего мира, пусть применяя к ней по мере сил марксистско-ленинскую методологию. Притом к началу 1930-х в самом режиме начала проявляться некая специфическая консервативность, ставшая заметнее лет через десять, но уже тогда вернувшая ученые звания, а кое-где и преподавание древних языков, а курс древней истории внедрившая чуть ли не повсеместно – и для этого курса требовались новые пособия, потому что верное понимание природы рабовладельческого общества возможно лишь на подлинно научной (марксистско-ленинской) основе. Применительно к интересующей нас истории древнего Рима требовалось, однако, еще и определить,

когда и как она завершилась – и определить достаточно однозначно, в согласии с тем, теперь неоспоримым, обстоятельством, что, каков бы ни был упадок империи, гибнет она быстро (это стало известно из опыта) и гибнет в результате классовой борьбы, нередко поддержанной национально-освободительными движениями (этому научил марксизм). Так что оставалось выбрать дату, и привычное уважение к традиции побуждало, конечно, выбрать ту, которая – благодаря подкрепленному позднеантичными свидетельствами авторитету Гиббона – была самой традиционной, то есть 476 г.

В сущности, ничего лучшего никто не предложил, даже Пиренн, а если в русле всё той же восходящей к Гиббону традиции признать отдельное историческое существование «Западной римской империи», 476 г. выглядит по-своему убедительно, недаром сохранился в далеких от марксизма-ленинизма европейских хронологиях: в 410 и 456 гг. разорявшие Рим вестготы и вандалы приходили и уходили, а «западный август» оставался у себя в Равенне со всеми своими, пусть в чем-то уже номинальными, полномочиями, а после 476 г. никаких августов в Равенне не было. Притом правление Одоакра и Теодориха можно было трактовать как победу германцев в их национально-освободительной борьбе против римского порабощения, да так это и трактовалось романтической и постромантической традицией, включившей в исторический дискурс чуждое древности понятие «национального» (ср. цитированное место из доклада Сталина на XVII Съезде). Всё это никак не противоречило марксистско-ленинскому пониманию истории, но и считаться достаточным не могло, прежде всего из-за значимости национального фактора: да, без германцев события 476 г. были бы невозможны, но исторический прогресс обеспечивается не национальной, а классовой борьбой, которую национально-освободительные движения лишь поддерживают – и это тоже было неоспоримо, потому что на этом, по крайней мере до конца 1930-х, основывалось уверенное ожидание мировой революции, которую совсем скоро совершат пролетарии всех стран. Иначе говоря, проверенный временем 476 г. должен был быть облагорожен классовой борьбой, а иначе это не марксизм.

Невольно подсказанная риторикой Сталина «революция рабов» как раз и оказалась лучшим ответом на вопрос о главной

причине падения Империи – конечно, в 476 г. или хотя бы около 476 г. (об этом чуть ниже). Правда, отмеченный в 1933 г. С. И. Ковалевым исторический факт – что все рабские восстания случились лет на пятьсот раньше – породил своего рода уточняющую хронологию с делением «революции рабов» на два этапа, но для говорящего или пишущего о «первом этапе» падение Римской империи было обещанием на будущее, оставаясь за пределами нарратива – вся сложность крылась во втором (главном) этапе, потому что в это время ничего подходящего не случилось. Для авторов отдельных произведений, познавательных и беллетристических, это было поводом по возможности не выходить за пределы II–I вв. до н. э. и писать о Спартаке или о братьях Гракхах, но в учебнике историю Рима нужно рассказывать до конца, до 476 г., не умолчав и о «революции рабов», как ни сложно такое повествовательное задание.

Далее в качестве примера будет рассмотрен учебник Н. А. Машкина, впервые вышедший в 1947 г. и затем не раз переиздававшийся, всегда (кроме недавнего мемориального издания) очень большими тиражами, так что по популярности несопоставим с учебником С. И. Ковалева, не говоря уж о прочих вузовских пособиях. В отличие от Ковалева, одного из творцов мифа, более молодой Машкин получил этот миф в готовом или почти готовом виде, а к 1947 г. уже и академическая дискуссия о «революции рабов» близилась к завершению¹⁴. Словом, Машкин – лишь дисциплинированный транслятор мифа, а при этом, как видно по его учебнику и другим работам, рассказчик он хороший.

¹⁴ Хотя медиевисты не воспользовались даже «революцией крепостных», а «революция рабов» их и вовсе не касается, в 1950 г. византистам был предложен в виде редакционной статьи стандартный вариант мифа именно о «революции рабов» с достойными внимания пояснениями. Из них можно узнать, что о восстаниях III–V вв. не известно из-за происков «буржуазных ученых» и в еще большей степени из-за происков *современников* событий, *нарочно* не оставивших свидетельств о «революции» – но советские ученые всё же сумели проследить, где и когда революционные выступления *по всей вероятности* случались. Тогда же рабы поняли, что без союза с другими угнетенными (варварами и колонами) им не победить: «первый этап революции» потому и провалился, что рабы, даже Спартак, надеялись справиться собственными силами (Методологич. знач. 1950: 3–17).

Внимательный читатель не может не заметить, как неохотно Машкин, еще недавно охотно разъяснявший обстоятельства принятия или непринятия тех или этих законов, переходит к гл. 29, «Революция рабов и падение западной Римской империи»: в главе всего двенадцать страниц, первые восемь – о нашествиях варваров, о событиях на Востоке, о колонате, а ведь всё это еще не революция. Лишь в разделе «Последние десятилетия и крушение Римской империи» Машкин на трех страницах рассказывает о деградации Империи от раздела ее Феодосием до узурпации Ореста и заключает:

В 476 г. Орест был убит, Ромул Августул – лишен власти, знаки же императорского достоинства Одоакр отослал в Константинополь. Это событие принято считать концом Западной Римской империи (Машкин 1947: 577).

В приложенной хронологической таблице история Рима тоже завершается в 476 г., но выходит, что дата эта – едва ли не условная, подтверждаемая лишь согласием неких авторитетов, притом неведомых, так как Гиббон и/или Марцеллин не упомянуты, а следующий раздел посвящен кодексу Юстиниана. О «революции рабов», давшей название главе, речь пойдет лишь на последней странице в предпоследнем абзаце (в последнем обещано наступление феодализма); в итоге вот что все-таки сказано, наконец, у Машкина о «революции рабов»:

Античное общество было обществом рабовладельческим, и в развитии противоречий, присущих рабовладельческому способу производства, коренятся причины гибели античного мира. Противоречия эти привели к революции рабов, которая, по словам товарища Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»* Революция рабов способствовала тому, что Рим оказался не в состоянии выдерживать напор варварских племен, которые к середине V в. заняли всю территорию Западной Римской империи. «...Все варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»** (Машкин 1947: 585)¹⁵.

И всё. Глухие (как было принято) ссылки на сс. 412 и 432 «Вопросов ленинизма» оставляют возможность думать, что всё это Сталин говорил по одному и тому же поводу, по поводу

¹⁵ Звездочками помечены ссылки на «Вопросы ленинизма», на единственно дозволенное изд. 11.

падения Рима: симбиоз рабов из речи 1933 г. с варварами из доклада 1934 г. стал к тому времени общепринятым (то же, например, в цитированной статье «Византийского временника»), раз уж решено, что рабы действовали заодно с варварами. Умелое соединение оборванных в начале и в конце цитат создает компактный и понятный текст, поддержанный авторитетом Сталина, хотя и не имеющий почти ничего общего с тем, что он говорил – о рабах ли (но тогда без всякой связи с Римом), о Риме ли (но тогда без всякой связи с рабами). Это и есть возводимый к Сталину миф о «революции рабов», лишенный подробностей, которые лишь скомпрометировали бы внутренне непротиворечивый сюжет¹⁶.

Машкин пользуется этим конструктом как мифом, чья краткость (он ведь умудрился так ничего и не рассказать о «революции рабов»!) не умаляет его истинности. Характерно даже то, что 476 г. и «революция рабов» разнесены настолько, насколько позволяет объем главы, хотя, по логике исторического повествования, в 476 г. должно было случиться что-нибудь революционное. Однако в данном случае нарративная логика была бы помехой, так как падение Империи в 476 г. и ее же падение из-за «революции рабов» поддержаны слишком разными авторитетами и слишком по-разному описаны: 476 г. полон событий и действующих лиц, а «революция» не вписывается ни в какой рассказ и совершается безымянными акторами. Это среди прочего лишний раз демонстрирует вспомогательность мифа о «революции рабов» относительно более старого и более почтенного мифа о 476 г. (в любом рассказе о более важном всегда говорится подробнее), хотя в самом кратком варианте сообще-

¹⁶ Через шесть лет после смерти Н. А. Машкина его учебник с помощью сына и учеников был переиздан, снова тиражом 50 000: всё, относящееся к 476 г. в тексте и в хронологической таблице осталось, как было, зато ссылки на Сталина и словосочетание «революция рабов» исчезли начисто, а сказанное об этой «революции» (теперь выделенное курсивом, который по авторитетности отчасти заменяет ссылку на Сталина) чуть модифицировалось, так что обновленный и по-прежнему краткий миф приобрел близкий к «открыванию ворот» вид: «Рост противоречий внутри Римской империи привел к революционным движениям рабов и колонов, которые расшатали римское рабовладельческое общество и способствовали завоеваниям «варваров». В результате этого Рим оказался не в состоянии выдержать напор «варварских» племен» (Машкин 1956: 558).

ния различие почти исчезает и всё вмещается в две строки – этот компактный вариант мифа и оказался его самым приемлемым для общества вариантом, а потому именно его следы мы находим, как было показано, и в настоящее время. Дать мифу о «революции рабов» хотя бы относительно развернутую повествовательную форму не сумел никто.

Вместо заключения. Остается добавить, что на вопрос о времени (а значит, и об обстоятельствах) падения Римской империи нельзя ответить, не ответив прежде, когда она появилась. В цитированных позднеантичных источниках предлагаются разные даты (то ли от Августа, то ли от основания Города), а в новоевропейской науке вопрос никогда не ставился и даже слово «Империя» понимается по-разному.

Литература

- Antsiferov, N. P. 1992: *Iz dum o bylom* [*From the Thoughts on the Past*]. Moscow.
Анциферов, Н. П., 1992: *Из дум о былом*. М.
- Bickermann, E. 1933: *Chronologie*. Leipzig
- Blockley R. (ed.) 1983: *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Liverpool (Malchi Byzantiaca)
- Bowersock, Glen W. 1996: The Vanishing Paradigm of the Fall of Rome. *Bull. of the American Academy of Arts and Sciences* 49 (8), 29–43.
- Croke, B. 1983: A. D. 476: The Manufacture of a Turning Point. *Chiron* 13, 81–119.
- Dahl, V. I. 1955: *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*]. Vol. 4. Moscow.
- Даль, В. И. 1955: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. М.
- Demandt, A. 1984: *Der Fall Roms*. München
- Gibbon, E. 1776: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. I. London
- Goldsworthy, A. K. 2009: *How Rome Fell: Death of a Superpower*. New Haven
- Grekov, B. D. 1949: [I. V. Stalin and Historical Science] In: *Iosifu Vissarionovichu Stalinu Academia nauk SSSR* [*For Iosif Stalin from Soviet Academy of Sciences*]. Moscow, 227–256.
- Греков Б. Д. 1949: И. В. Сталин и историческая наука. В: *Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР*. М., 227–256.
- Koprzhiva-Lurie, B. 1987: *Istoria odnoi zhizni* [*The History of One Life*]. Paris.
- Копржива-Лурье, Б. 1987: *История одной жизни*. Париж

- Kovalev, S. I. 1936: *Istoria antichnogo obschestva*. II. [The History of the Ancient Society. II]. Leningrad.
Ковалев, С. И. 1936: *История античного общества*. II. Л.
- Kovalev, S. I. 1933: [On General Problems of the Slave-owning Formation]. *Izvestia GAIMK* 64. Leningrad, 28–51.
Ковалев, С. И. 1933: Об общих проблемах рабовладельческой формации. *Известия ГАИМК* 64, 28–51.
- Kovalev, S. I. (ed.). 1954: *Istoria drevnego mira. Uchebnik dlia 5-6 klassov srednei shkoly*. [History of Ancient World. Text-book for the 5th-6th grades] Moscow.
Ковалев, С. И. (ред.). *История древнего мира. Учебник для 5-6 классов средней школы*. М.
- Krikh, S. B. 2014: [The History of One Quotation] *Rodina* 6, 14–17.
Крих, С. Б. 2014: История одной цитаты. *Родина*, 6, 14–17
- Krikh, S. B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
Крих, С. Б. 2013: *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krysin, L. P. 1998: *Tolkovyi slovar' iniaazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow.
Крысин Л. П. 1998: *Толковый словарь иноязычных слов*. М.
- Kulikowski, M. 2016: *The Triumph of Empire: The Roman World from Hadrian to Constantine*. Cambridge, Mass.
- Kuzischin, V. I. (ed.) 2000: *Istoria drevnego Rima* [The History of Ancient Rome]. Moscow.
Кузищин, В. И. (ред.) 2000: *История древнего Рима*. М.
- Lenin, V. I. 1970: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow.
Ленин, В. И. *Полное собрание сочинений*. М.
- Makhlaiuk, A. V. 2011: *In memoriam. Pamiati M.S. Sadovskoi (1931–2009)* [In Memory of M. S. Sadovskaia]. *Antiquitas aeterna* 3. Nizhnii Novgorod, 249–253.
Махлаюк, А.В. 2011: *In memoriam. Памяти М. С. Садовской (1931–2009)*. *Antiquitas aeterna*. № 3. Н.-Новгород, 249–253.
- Mommsen Th. (Hg.) 1894: *Monumenta Germaniae historica. Chronica minora*. Bd. II. Berlin (Cassiodori Senatoris Chronica, Marcellini Comitis Chronicon)
- Mommsen Th. (Hg.) 1882: *Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi*. V. V. Berlin (Jordanis Getica)
- Mashkin, N. A. 1947: *Istoria drevnego Rima* [The History of Ancient Rome]. Moscow.
Машкин, Н. А. 1947: *История древнего Рима*. М.
- Mashkin, N. A. 1956: *Istoria drevnego Rima* [The History of Ancient Rome] Moscow.
- Машкин, Н. А. 1956: *История древнего Рима*. М.
- Metodologicheskoe znachenie 1950: [Methodological Significance of I. V. Stalin Statements about the Revolution of Slaves for Soviet Vizantine Studies]. *Vizantiiskii vremennik* 28 (3), 3–17.
Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения. *Византийский временник* 28 (3), 3–17.

- Odesskii, M. P., Feldman D. M. 2012: *Poetica vlasti*. [The Poetics of Power]. Moscow
Одесский М. П., Фельдман Д. М. 2012: *Поэтика власти*. М.
- Pirenne, H. 1922: Mahomet et Charlemagne. *Revue belge de philologie et d'histoire* 1, 77–96.
- Pirenne, H. 1937: *Mohammed et Charlemagne*. Paris.
- Rabinovitch, E. G. 2012 : [Notes on the Marathon Mythology]. *Aristeas* 6, 91–120.
Рабинович Е. Г. 2012 Заметки о марафонской мифологии. *Aristeas* 6, 91–120.
- Rostovtzeff, M. I. 1926: *Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford.
- Stalin, I. V. 1951: *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow.
Сталин, И. В. 1951: *Собрание сочинений*. М.
- Ushakov, D. N. 1940: *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Vol. 4. Moscow.
Ушаков, Д. Н. 1940: *Толковый словарь русского языка*. Т. 4. М.

E. G. Rabinovitch. «The revolution of slaves»: a brief history of myth

«The revolution of slaves» emerged in the Soviet historical narrative from the speech of Stalin at the Congress of kolkhozniks (February 1933): Stalin gave it neither date nor place for it was only an element of his rhetoric amplification, which praised the October revolution. Nevertheless, in the Soviet historical narrative this never happened revolution became the main cause of the fall of the Western Roman empire, functioning as a typical myth created to explain something important. Gibbon was the first who taught the Europeans to discuss the fall of the Western Roman Empire; provided in his «Decline and Fall of the Roman Empire» date, AD 476, was derived from the «Chronicon» of Marcellinus Comes, and in the «Chronicon» A. D. 476 is a myth, too – but due to the authority of Gibbon it became a part of common knowledge. For Soviet historians this traditional date was good enough, albeit had to have a Marxist touch: the Empire had to fall in the result of class struggle – otherwise it is not Marxism. Thus, prompted by Stalin's rhetoric, the myth was quickly developed and, together with A. D. 476, became a part of common knowledge; its remnants we can see even now.

Keywords: Stalin, Gibbon, Marcellinus, Roman empire, slaves, revolution, myth.